

18+

Алекс Фрост

**Реформа
американских
тюрем, или
Тюрьма жестокого
режима**

Я люблю знать всё обо всём

Алекс Фрост

**Реформа американских тюрем,
или Тюрьма жестокого режима.
Я люблю знать всё обо всём**

«Издательские решения»

Фрост А.

Реформа американских тюрем, или Тюрьма жестокого режима.
Я люблю знать всё обо всём / А. Фрост — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-00-692598-4

Эта книга про тяжесть и жестокость тюремных порядков, она поможет читателю понять, сколько тюремных душ, требует к себе внимания, и нашей помощи, и поддержки в изменении, тюремных правил, с помощью программы описанной в этой книге.

ISBN 978-5-00-692598-4

© Фрост А.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Рассказ к главе 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Реформа американских тюрем, или Тюрма жестокого режима Я люблю знать всё обо всём

Алекс Фрост

© Алекс Фрост, 2026

ISBN 978-5-0069-2598-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Эта книга построена особым способом: есть официальная часть, и есть художественная часть, также есть третья часть, которая содержит объединяющие комментарии к первой официальной и второй художественной частям.

Официальная часть описывает конкретные предложения о том, что можно изменить в тюремной системе или что можно добавить.

А художественная часть является дополнением к официальной части, чтобы тот, кто прочтёт эту книгу, мог прочувствовать причины, из-за которых и была написана официальная часть. Это как нанесение краски на эскиз, нарисованный карандашом, чтобы читатель мог прочувствовать проблемы, показанные в книге, через судьбы персонажей не только умом, но и сердцем, на все сто процентов. Одна часть дополняет другую.

Третья часть книги – это комментарии, охватывающие и официальную, и художественную части, то, что читатель должен уяснить, прочитав одну из глав в книге. Также любой, кто прочтёт эту книгу, может создать свои собственные комментарии и сделать свои собственные выводы, какие захочет, какие ему подскажут ум и сердце. Но главное – это живые люди, сидящие в тюрьме, и их нелёгкие судьбы, которые мы можем изменить в лучшую сторону.

Глава 1

Изначально, до того как в мире возник COVID-19, мало кто представлял, что столько людей во всем мире, опасаясь за свою жизнь, могут жить на самоизоляции. И жизнь этих людей протекала в изоляции дома, и они терпели многие лишения и тяготы. Многие люди перешли на дистанционный принцип работы. Эти ограничения, такие как угроза, заболеть COVID-19, дали, кроме плохого (переживаю за тех, кто не дожид до этого дня и за их близких, которым пришлось пережить этот кошмар), но и хорошее, потому что это дало возможность увидеть, то что люди могут учиться и работать дома, хоть это и тяжело.

Многие государственные учреждения, такие как школы и университеты, перешли на удалённый принцип работы. Также люди разных профессий перешли на тот же принцип работы, такие как IT-специалисты, бухгалтеры, специалисты по продажам и т. д.

Но есть группа людей, которые и так находятся на самоизоляции – это заключённые, отбывающие свои сроки за различные преступления. Да, эти люди совершили проступки перед законом и людьми. И они виноваты, но и этим людям необходима наша помощь, и если мы можем им помочь, то мы должны им помочь. Мой проект заключается в использовании опыта, полученного во время COVID-19, для применения его к людям, отбывающим сроки в различных исправительных учреждениях, и предоставления таким людям всех возможностей для исправления. Этот проект является дополнением к уже существующим системам тюремного заключения, а не его альтернативой.

Рассказ к главе 1

– Мистер Джек?

Молодой человек лет 20-ти, 25-ти обратился к поджарому зеку лет 45-ти, сжимающему рукой распяты с чётками и шепчущему молитву. Ответ последовал не сразу: Джек уважал Господа Бога, и поэтому, если уж начинал читать главу из Библии, то всегда дочитывал её до конца, и многие отрывки помнил наизусть.

– Да, Джон, что ты хотел? – переспросил хриплым голосом Джек.

И Джон, ещё не понимая, с кем он сидит в камере с обшарпанными стенами и следами ржавчины на трубах в туалете, вёл своё общение так, как будто они встретились в каком-нибудь баре на воле, а не в тюрьме с очень строгим режимом. Непринуждённо спросил:

– Сколько ты уже здесь, Джек?

Джек, услышав нагловатый тон парня, решил не пугать новичка, который пока не усвоил основных тюремных правил, и не будет пока напрягать его – парня, который не понимает, где он находится и с кем говорит. Но вопрос Джона был для него неожиданным, потому что со всех зеков спрашивает мистер Джек, а не наоборот. К удивлению самому себе, воображение Джека унесло его в далёкую молодость, когда он был глупым молодым парнем с очень вспыльчивым характером. Это вызвало некоторую паузу между вопросом и ответом, но собравшись с мыслями, Джек ответил:

– Я здесь почти 20 лет, Джон, но если сказать более точно – 19 лет и 272 дня. В голосе Джека слышалась сталь, которую можно приобрести, только пройдя через жестокие жизненные испытания.

– А я здесь 23 дня, и мне дали 10 лет. Выпалил Джон, и почему-то у него в душе появилась паника, будто он совершил ошибку, но понять, почему у него такая реакция на общение с Джеком, он не мог.

Джек был настоящим зеком, прошедшим огонь и воду, но в душе он остался добрым, и годы раскаяния делали своё дело, поэтому он решил поддержать Джона.

– Не переживай так, парень, есть у времени одно свойство – оно идёт. Ты займи свой разум чем-нибудь, и время будет идти гораздо быстрее. Время, как говорил Эйнштейн, относительно. Ты, как я слышал, ограбил банк, и за украденные деньги тебе дали десятку? И ты, как я слышал, попался вместе с деньгами?

Джон сел на койку и, подняв голову, посмотрел на Джека, потому что интонация была вопросительная. А потом, поняв, сколько дней ему ещё сидеть, спросил у Джека:

– А тебе зачем это знать? И зачем знать, за что меня посадили?

И Джек почувствовал, как к его сердцу подливает адреналин, ответил:

– В тюрьме это все знают, Джон, и что всех посадили не за что. И, Джон, я тебе не враг, но если будешь так на меня смотреть, всё у нас кончится плохо. Я здесь мотаю третий десяток, вернее, второй почти домотал, и слабину никогда не давал, и с тобой не собираюсь, имей уважение. Перед этим Джек приподнялся с кровати и посмотрел на Джона взглядом, готовым уничтожить собеседника, если он услышит хоть одно возражение.

Джон, не ожидая такой реакции, автоматически ответил:

– Прости, я не хотел тебя злить, я тебе лучше расскажу свою историю, которая привела меня в это место.

– Я был инкассатором, вернее тем сотрудником, что иногда подменяет охранника, который вместе с инкассаторами перевозит деньги. Это такое требование банка, чтобы деньги перевозили сотрудники разных ведомств, чтобы не возникло сговора между инкассаторами и попытки ограбить инкассаторский броневик. Я заменял периодически охранников, которые ездят с инкассаторами, а потом у меня появился строгий график, и я имел возможность ездить

с разными сменами. И у меня возник вдруг план рискнуть и ограбить инкассаторскую машину. Я хорошо знал все смены инкассаторов, и я умел находить с ними общий язык, так я работал почти год. И мысль ограбить банк приходила всё чаще и чаще. Она просто сверлила мне голову, я даже в церковь ходил, но эта мысль меня не отпускала. И всё, обдумав, я решил рискнуть и решил всё проверить сам, без поделщиков.

Глаза Джека подобрели, и он, откинувшись на кровати, решил дослушать историю парня до конца. Джеку нравились истории, которые ведут в тюрьму, он любил честных грабителей, которые не льют зря крови и не вредят людям, а лишь хотят заработать в этом мире. Поэтому он с интересом переспросил:

– Что дальше?

И Джон, услышав, что заинтересовал собеседника своей историей, обрадовался, потому что он был мальком, и хорошая история может наладить отношения с человеком, с которым ему придётся провести ещё очень долго. И поэтому он продолжил свой рассказ:

– Ну а дальше я стал продумывать план. Я, наверное, пересмотрел все фильмы про ограбления, их на самом деле не так уж и много. Мне надо было придумать свой план, поэтому фильмы давали мне хоть какой-то опыт. Джек, ты любишь фильмы?

Джек лишь поморщился, ответив:

– Я люблю читать книги, Джон. Где ты здесь видел кинотеатр?

– А я не знал, я их тоже люблю читать, Джек.

– И мне фильмы тоже не понравились, Джек.

– Почему, Джон? При этом Джек приподнялся с кровати.

И Джон поднял глаза на Джека и ответил:

– Там лилась кровь, Джек. Я считаю, что если ты грабишь, то делай это чисто. Никто не виноват в том, что ты не хочешь жить, как все, ты просто хочешь денег и ту жизнь, которую они могут дать.

Джек, услышав ответ, заулыбался, ответив Джону:

– Я это понимаю, мне самому не нравятся такие дела и такие люди. Если хочешь быть грабителем и любишь деньги, тогда делай всё, как все великие художники – Пикассо, Рафаэль, ну и остальные. Твоя цель – деньги, а остальное лишнее. Джек за 20 лет отсидки встречал разных людей, и ему не нравились люди, которые зря льют кровь, и тем более те, которые этим восторгаются.

Джек смягчился, сказав:

– Слушай, Джон, расслабься. Лучше всего засыпать под сказку, когда спишь – время летит быстрее. Так что падай на свою кровать и давай подробности лучше про женщин, я истосковался по ним. То есть, если в твоей истории есть женщины, то рассказывай подробнее. А то тут из женщин одна медсестра Грета, но это скорее бульдозер, а не женщина, двести двадцать фунтов – не женщина, а кара господня. Сядет на тебя такая сверху, и онемеешь, и позвоночник проломит. Так что давай выкладывай всё.

Джона рассмешила шутка про медсестру, и он почувствовал себя так, как будто на свободе. В душе возникла приятная теплота, но Джон понимал: как бы кто ни шутил в тюрьме, тюрьма есть тюрьма. Джеку же понравился этот молодой парень. Он любил смыслёных и умных людей, разговоры с ними не пропадают зря. Закинув руки за спину и вытянувшись на верхней койке, Джек, зевая приказным, но доброжелательным тоном, проговорил:

– Давай дальше рассказывай. Его чутье не подводило: парень был очень неглупым, возможно, из него что-то выйдет, но с ним надо поработать. Выжить в тюрьме очень сложно, тем более новичку.

И Джон продолжил свой рассказ, считая, что это его первый экзамен в тюрьме, и как он его сдаст, так он и будет сидеть, зная, какие ужасы его поджидают здесь. А ещё он слышал, что Джека здесь уважали, и некоторые такие же новички говорили, что ему повезло с соседом.

Но Джон, находясь здесь 23 дня, ни разу не видел за Джеком ничего подобного. И Джек относился к нему без всяких ненужных пантов, просто по-человечески.

– Ну а дальше я посмотрел ещё несколько фильмов, про ограбления, и мне понравился один фильм. Название я точно не скажу, с сюжетом о том, как грабитель оставлял всех в дураках, потому что он был очень умным и всё продумывал заранее. Я ведь очень хорошо учился в колледже, и некоторые преподаватели видели во мне тень величия, как сказал мне мр. Вудсток, преподаватель «Теоретической механики»: «У вас есть способности, но над ними надо работать». Но найти на воле применение своим способностям я так и не смог, поэтому менял работы. Ну а время шло, и жажда признания – та вещь, которая подтолкнула меня вперёд, на путь преступления. И Джон остановил свой рассказ, собираясь с мыслями.

А Джек, которого рассказ заинтересовал, прямо сказал:

– Не оправдывайся, парень, я не судья и судить тебя не буду. И я тебе дам совет: твою историю разойдётся по камерам, а есть люди здесь, которым очень не нравятся истории, уж слишком правильные. Так что рассказывай аккуратнее. Думай! Никто не знает, что может спровоцировать того или иного зека, и он пырнёт тебя заточкой просто за твою историю, не имея особого мотива.

У Джона онемел язык, но он ответил:

– Я понял, Джек, я продолжу. И Джон, осознав, насколько этот разговор и его история важны, и важны они для него самого в первую очередь, решил говорить только правду. А ещё он решил держаться Джека, ибо просто так советы не дают.

– Так вот, Джек, я пересмотрел все фильмы ещё раз и прочитал много книг, я даже в даркнет лазил – это такая штука, где можно получать более правдивую информацию, чем о ней говорят. И следующее...

Но Джек перебил его на полуслове словами:

– Я знаю, что это такое даркнет, так что можешь продолжать.

И Джон посмотрел на Джека и открыл ртом от удивления.

Джек приподнялся и ответил на немой вопрос Джона:

– Я люблю читать разные книги, и кроме того, в тюрьмах есть разные люди, и ведёт в тюрьму очень много дорог.

Джон, услышав ответ, удивленно кивнул и продолжил:

– В общем, просмотрев всевозможные фильмы и прочитав пару десятков книг на тему всяких ограблений и побегов из тюрем, я решил разработать свой собственный план. Я чувствовал себя шпионом, и разработка плана ограбления стала для меня хобби, от которого я получал удовольствие, ведь никто меня не подозревал. А план был прост. Я освоил химию и сделал усыпляющий газ, чуть сам не отравился, потому что не хотел навредить тем людям, с которыми работал. Потом я решил построить у себя в подвале камеру из оргстекла – оно такое пластиковое и прозрачное – так, чтобы я легко в ней помещался. А потом, когда всё сделал, решил распылить в ней газ, чтобы проверить его на себе. Я разделся, закрыл за собой дверь и поставил таймер, чтобы определить, на сколько по времени он вырубит инкассаторов.

Джек вдруг перебил Джона вопросом:

– Ты, я так понял, разделся полностью?

Джон, не ожидавший такого вопроса, ответил:

– Да, я разделся полностью, Джек.

И Джек, лежа на верхней койке, расхохотался, а потом спросил у Джона:

– А зачем ты разделся догола, Джон? Можно было и в одежде.

Джон почувствовал себя ещё глупее и ответил:

– Я не знаю, Джек, я просто об этом не подумал.

Джек хохотал, приподнявшись на кровати, а потом, увидев растерянный взгляд Джона, подмигнул, ответив:

– Не парься, всё хорошо, ты меня развеселил, рассказывай дальше.

И Джон почувствовал себя глупо, решил быть аккуратнее и стараться не давать лишних поводов для смеха – это, возможно, может навредить мне в будущем, подумал Джон. Но историю надо рассказать до конца, поэтому, выждав некоторое время, пока Джек перестанет смеяться, Джон продолжил свой рассказ:

– Я не услышал сигнал таймера, который должен был сработать через 4 часа, но я услышал будильник на телефоне, который напомнил, что мне надо идти на работу. Я быстро собрался, еле вылез из этого стеклянного ящика, голова просто очень жутко болела, и все звуки стали громкими. В таком виде я пришёл на работу, откуда меня отправили домой, потому что меня стошнило прямо на стол начальника смены.

И Джек, услышав это, снова засмеялся, переспросив:

– Что, прямо начальнику на стол?

И Джон вновь ощутил себя глупо, улыбнулся, подтвердив вопрос Джека:

– Да, Джек, прямо начальнику на стол. И Джек засмеялся сильнее. А Джон, выждав некоторое время, продолжил свой рассказ:

– После такого эксперимента, над собой я провёл три дня в лежачем положении, в больницу идти не стал, чтобы не вызвать подозрений. Поэтому я воспользовался интернетом, нашёл консультирующего врача, который мне и помог, выписал лекарство, и вскоре всё прошло, и я понял одно: газ сработал. Ещё несколько раз я сам себя травил этим газом, для того чтобы выбрать такую дозу, чтобы она не отравила охранников смены, а лишь усыпила на 2—3 часа, и чтобы у них после сна ощущения были такие, как от несильного похмелья, потому что я никому не хотел вредить. И Джон остановился, давая Джеку время для обработки информации.

А Джек лишь ехидно переспросил:

– Ты каждый раз раздевался догола, чтобы проверить газ?

И Джон, не зная, что ответить, врать не хотел, и виновато подтвердил:

– Да, Джон, я каждый раз раздевался догола.

И Джек начал ржать, и минуты две просто ржал. Джеку понравился рассказ Джона, и он очень хотел дослушать его до конца, поэтому, чувствуя, что Джон переживает, что выглядит глупо, решил его успокоить:

– Всё нормально, парень, не переживай, ты молодец, ты справляешься, рассказывай дальше. И Джек начал зевать.

Джон, услышав слово «справляешься», успокоился, и дух его оживился. В душе он был рад такой оценке Джека, чувство было такое, как будто он сдал контрольную на пятёрку, но только экзамен ещё не кончился, и надо было сдать его до конца.

– Когда я убедился, что этот газ не навредит моим друзьям, вернее коллегам, мне осталось придумать, как незаметно пронести маленький баллончик с газом в машину и как его активировать. А ещё мне надо было как-то надеть противогаз, чтобы не заснуть самому в машине, иначе всё ограбление пойдёт насмарку. И тогда я решил попробовать пронести противогаз, но была одна проблема: нас хорошо обыскивали, и инкассатору разрешалось брать только те вещи, которые разрешены по регламенту: фонарик, наручники, пистолет и т. д. Сейчас я весь список не помню, но даже жвачку проносить нам запрещалось, и только начальнику смены, кроме всего прочего, разрешалось иметь телефон.

Джон остановился, чтобы перевести дух.

Но Джек снова приподнялся на кровати с наглым требованием продолжить историю.

– Джон, не томи! Сейчас 16:32, а ужин в 19:00. Потом свободный час, у меня сегодня игра в покер, так что в нашу камеру придут. Но ты не переживай, на это время верхняя койка твоя. И давай быстрее, рассказывай.

Джону эти слова были не по вкусу. Он привык быть независимым, но здесь и сейчас он ничего не сможет с этим поделать. И если уж начал говорить, то придётся рассказывать всё. А иначе... и ужасы тюрьмы ударили ему в голову, и воображение его разыгралось.

– Джек, в общем, я продолжаю.

– И я решил попробовать пронести газ. Для этого я разобрал свой рабочий фонарик, в котором было три больших батарейки, и тогда я придумал, как решить проблему проноса газа в машину. Я взял пробирку с толстым стеклом, наполнил её усыпляющим газом и сделал в задней стенке фонарика маленькое отверстие, которое было совсем незаметным. А потом сделал специальный колпачок на пробирку и установил его. Теперь при нажатии на специальную кнопку на фонарике расплылся газ. Для этого пришлось вытащить две батарейки и подвести контакт к третьей, чтобы фонарик горел при включении, а лишнюю кнопку я замаскировал, так чтобы её не было видно. И получилось, как раз, пробирка с колпачком вместилась в пустое место в фонарике от двух батарей.

Джон взял свой дезодорант, нажал на него, и по камере разошёлся аромат и пшикающий звук, а потом кинул его в руки Джеку. Джек ловко поймал его и нажал на кнопку, а потом добавил:

– Я понял, что ты сделал, из своего фонарика, молодец, пацан. И подмигнул Джону.

Джон был доволен реакцией Джека и решил быстрее продолжить свою историю.

– Я несколько раз давал на проверку свой фонарик, но никто ничего не заметил. Разумеется, перед этим я убирал пробирку с усыпляющим газом. А то было бы очень странно, если бы проверяющие случайно нажали на кнопку, и все вдруг уснули, тогда можно было бы навсегда забыть об ограблении.

На что Джек спросил:

– А если бы заметили, тогда что?

– Я бы постарался перевести всё в шутку: это фонарик-игрушка для моего племянника, которую я случайно принёс. Ведь пробирки в ней не было, а сам по себе фонарик ничего из себя запретного не представляет, просто несколько дырочек и маленькая незаметная кнопка.

Джек одобрительно хмыкнул.

– И дальше мне осталось только пронести противогаз, но как это сделать, я не знал. Поэтому я решил научиться задерживать дыхание. Я даже с аквалангом погружался несколько раз, на это у меня ушло около трёх месяцев, и после тренировок я сумел задержать дыхание на 8 минут.

И тут Джек слез с верхней койки, посмотрел Джону в глаза, показал на наручные часы и жестким хриплым голосом проговорил:

– Сейчас проверим, и мой тебе совет: лучше тебе мне не врать. Как только секундная стрелка дойдёт до 12-ти, удержи дыхание, и ещё один совет, парень: продержишься хотя бы 6 минут, и я тебе поверю.

И Джон лишь успел возразить:

– Я не готов сейчас...

Но стрелки часов пробили двенадцать, и Джон глубоко вздохнул, вобрав в лёгкие побольше воздуха, и задержал дыхание. Сердце Джона бешено билось, но, взяв себя в руки, он расслабил тело. Этому помогали уроки йоги. Закрыв глаза, он начал считать пульс и ушёл в себя, стараясь не думать о плохом. Но мысли его плохо слушались и рисовали ужасы – того, что если он не сможет выдержать, то это может быть для него концом. Вот так, на ровном месте, жизнь может спросить с тебя... и если сможешь выдержать, то ты победил жизнь и твоя игра идёт дальше, а если не смог, то это всё – ты проиграл навсегда...

И время пошло...

Джек тронул Джона за плечо со словами:

– Всё время вышло: 8 минут 33 секунды.

Джон пришёл в себя, радуясь, что справился.

И, видя, что Джон растерялся, Джек похвалил его:

– Молодец, пацан, ты смог и не соврал, продолжай, Джон.

И Джек залез на койку, думая про себя, что парень не такой простой, как он думал.

А Джон задумался, сколько проверок ещё ему предстоит выдержать в этом месте и сколько ещё впереди таких дней, но к нему в мыслях стала приходить уверенность в своих силах. И Джон решил продолжить:

– Дальше я решил замерить, хватит ли мне воздуха в лёгких, чтобы охранники нанюхались газа и уснули во время смены. Я определил, что в расслабленном состоянии, под газом я засыпал за 3 минуты и спал я очень крепко. То есть я посчитал, что мне хватит воздуха в лёгких, чтобы дождаться, пока все в броневике уснут, и, открыв двери, я спокойно вынесу деньги из броневика и уеду в Канаду или Мексику, ну а дальше – в Камбоджу.

Сверху послышалось: «Ни хрена себе!», а потом Джек слез с верхней полки, закрыл крышку унитаза и сел на него так, чтобы видеть глаза Джона. Язык может обманывать, а глаза врут редко. Он посмотрел в глаза таким пытливым взглядом, что Джону стало не по себе, и спросил полушёпотом:

– Ни хрена себе, а зачем в Камбоджу-то? Это где-то там мы воевали, да, Джон? Где это?

Джон пожал плечами и ответил:

– Нет, воевали мы когда-то во Вьетнаме, а Камбоджа граничит с Вьетнамом, но это другое. В общем, это государство в Азии.

– А почему бы в не другое место, почему именно туда, Джон?

– Там нет экстрадиции, поэтому именно туда.

И Джека осенило:

– А я понял, молодец, пацан в Камбоджу! Я много разных историй слышал в тюрьме, но чтобы в Камбоджу... ни разу! Удивил ты меня, хорошая история, пацан. Джек смотрел на него, не отрываясь, качая головой.

И Джон решил на всякий случай спросить:

– Я продолжу, Джек, или как?

На что Джек ответил:

– Да, да, продолжай, Джон. Ну, ты даёшь, пацан в Камбоджу с деньгами! Молодец!

– В общем, мне осталось сделать несколько вещей: первое – выбрать место, где всё осуществится, где по тише, по маршруту броневика; второе – нужна была машина; и третье – поддельные документы; и четвёртое – поджечь свой дом.

И Джек опять остановил рассказ Джона вопросом:

– А зачем дом жечь, улики уничтожить и сбить со следа полицейских?

– Да, Джек, именно так, но ещё мне захотелось, как бы покончить с прошлой жизнью. Дом – знак, что я навсегда изменился, я стал другим Джоном. И, услышав это, Джек понимающе кивнул, доброжелательно поглядев.

– Купить тачку не составило труда, сделать поддельные документы тоже, осталось только выбрать место. А вот с этим мне надо было подумать, и из нескольких вариантов я выбрал это место, этим местом было пересечение улиц RideroStreet и GreenStreet. Да, я ещё забыл добавить, что число, которое я выбрал, это было 4-е января, это был день рождения моего банка, точнее, день его основания.

У Джека вдруг забило сердце от осознания того, что хотел повернуть этот парень, и он переспросил:

– Ты хотел сделать это на их же праздник? И по глазам Джона понял, что именно так, и Джек засмеялся. Похлопал Джона по плечу, сказав:

– Молодец ты, парень, так их окаянных, сами народ обворовывают, так им и надо, деньги-то всё равно застрахованы.

И Джон перебил на полуслове Джека, который хотел что-то добавить. Но Джону уже было не в терпеж самому, это была кульминация его плана, и он очень хотел покончить со своей историей и сдать этот негласный экзамен, смысл которого он пока ещё не понимал, но ему интуитивно казалось, что он двигается в правильном направлении.

В общем, утром в 7:30, 4-го числа, после пробежки и кофе, последний раз обойдя свой дом, я принял решение идти до конца, и в этот момент старый Джон ушёл навсегда.

– Я отключил в доме газ, чтобы при взрыве никто не пострадал, разлил бензин и поджёг. Огонь начал разгораться, но бензина было не много, и поэтому пламя разгоралось не очень быстро, и я решил оставить так. Потом я сел в машину и поехал на работу. Проверка была рутинной, и никто ничего подозрительного в моём фонарике не заметил. И хоть внешне я был спокоен, руки мои дрожали, и сердце бешено колотилось. Я думал, меня инфаркт хватит, но потом, когда я сел в броневик, я понял одно: назад дороги у меня уже нет.

– Мы двинулись по маршруту, и началась игра. Я сел на своё место в броневике и стал вести счёт, потому что в броневике не было окон, и нельзя было увидеть, где мы едем. Мне нужно было распылить газ, как я уже говорил, на пересечении улиц RideroStreet и GreenStreet. А это была та ещё задача: на часы смотреть было нельзя, чтобы не вызвать подозрений. Мне кажется, что люди чувствуют это сердцем. И мне казалось, что броневик едет то быстрее, то медленнее, чем мне нужно, и я боялся ошибиться с местом. Я не хотел, чтобы внезапное место остановки было очень далеко от машины, тогда я бы не смог взять много денег, пришлось бы довольствоваться 2—3 сумками. Поэтому, отсчитав примерно 30—35 минут про себя, я активировал газовую бомбу, нажав кнопку на фонарике. После этого началось распыление газа, а я задержал дыхание.

Джек не выдержал накала, и еле сдерживая эмоции восторга и радости, потребовал у Джона продолжить:

– Джон, не томи, продолжай.

И Джон продолжил свою историю, и она попала в точку прямо в сердце Джека:

– Газ разошёлся за считанные секунды, а эффект усыпления был гораздо лучше, чем когда я пробовал на себе. Все уснули, а броневик, который ехал и так медленно, затарактел и остановился. Дальше я взял ключи у начальника смены и открыл двери, но не слишком, и вылез из броневика. Всё сложилось, как нельзя лучше: броневик съехал и затормозил о кусты, которые росли у обочины. Я выдохнул, продышался, осматриваясь вокруг, и увидел знакомую стоянку. Буквально в 15 метрах стояла моя вторая машина с документами – Форд Мустанг 1983 года. Машин и прохожих почти не было, такой маршрут разработали сами специалисты банка, где без пробок и потише. Я пришёл в восторг, ведь всё самое сложное в моём плане удалось. Я ощущал себя победителем и никогда не забуду это чувство.

Джек понимающе улыбнулся, сказав:

– Ты молодец, парень, ты настоящий молодец.

– Ну так вот, я вдохнул и задержал дыхание, опять боясь, что остатки газа могут меня отравить. Потом я открыл дверь в броневике и вытащил 10 сумок, в которых было по одному миллиону, аккуратно, так, будто я делаю свою обычную работу, не привлекая внимания, переложил их в багажник своей машины. Единственное, что я проверил, – есть ли в какой-либо сумке скрытый передатчик, так иногда делают некоторые банки. Я хорошо умел ладить с людьми, поэтому вызнал и про эти секреты, но никаких передатчиков не было.

И Джек заулыбался так широко, как только мог, но перебивать Джона не стал.

– И в общем всё, я был счастлив, как никто на свете. Я оставил дверь броневика приоткрытой, потому что не хотел вредить своим уже бывшим коллегам без особой надобности, ведь газ, хоть я его и проверял на себе, мог им навредить. Газ улетучится, а они через некоторое время проснутся, но головная боль им была обеспечена. Ну, тут я уже ничего не мог поделать.

И Джек заговорил:

– Ты молодец, Джон. Я в тюрьме повидал всяких людей, тех, которые упивались своей жестокостью, и всяких других злодеев. При этом на слове «злодеев» Джек сменил интонацию на признание, потому что никогда не боялся таких «злодеев».

– Я не люблю жестоких людей, которые думают, что если они будут жестоки, то они этим кого-то напугают, или которые любят вредить без надобности. В тюрьме их полно, но я к ним не отношусь. Я люблю добрых разбойников. И ты, Джон, мне этим очень нравишься, ты добрый разбойник.

– Ну, продолжай, Джон.

– Дальше я, полный радости, сел в мой мустанг, завёл его, дал три раза газу, чтобы мотор загудел в честь победы, тронулся, зная, что у меня есть время, но его не так много. Чуть позже я остановился и снял униформу, переоделся и с поддельными документами поехал к выходу из этого города, чтобы, наконец, проехать границу как можно быстрее и покинуть страну. А дальше – самолёт в Камбоджу. Я выбрал маршрут до Мексики, я помнил, по каким дорогам легче добраться и переехать границу, всё было в голове.

Тут Джек прервал рассказ Джона, не удержавшись, пока Джон расскажет концовку, и Джек узнает ещё один путь, который ведёт в тюрьму.

– Ну ты же со мной здесь, в тюрьме, Джон, значит, что-то пошло не так?!

И Джон, услышав вопрос Джека, свёл концовку рассказа к нескольким предложениям.

– Я проехал три квартала, довольный собой. Я очень внимательно смотрел на дорогу и был очень сосредоточен, чтобы не попасть в аварию в самом конце. Но тут вмешалась судьба, и на перекрёстке в меня въехал пьяный водитель, который торопился на день рождения дочери, как я узнал позже. Удар его грузовика о мою машину был очень сильным, и все деньги вылетели из багажника. Я очнулся в больнице, а за стеклом моей палаты были полицейские и какие-то люди в костюмах, наверное, ФБР. И я всё понял – меня взяли. Я начал сотрудничать со следствием, но мне всё равно дали 1 год за каждую сумку, это 10 лет. И я оказался здесь.

Джек одобритительно кивнул, добавив:

– Не переживай, пацан, не ты первый, не ты последний. Это бывает с каждым, но если бы я был Господом Богом, я бы дал тебе уйти в твою Камбоджу вместе с деньгами, красивый план и очень хорошая история. Ты всё сделал правильно, но тебе не повезло, просто не повезло, значит, у Бога на тебя другие планы. Теперь твою историю разлетится по тюрьме, ты молодец.

И Джон понял, что он справился с историей, и что Джек ему по нраву, и в душе у Джона стало теплее. Но Джон решил не выказывать лишних эмоций, иначе его могут принять за слабака, поэтому сухо ответил:

– Спасибо вам, сэр.

– Послушай, Джон, сегодня после вечерней прогулки в нашу камеру придут сильные мира сего, то есть люди, которые имеют реальную власть в тюрьме. Я думаю, ты понял, что это не директор тюрьмы и не охрана. И я хочу, чтобы ты уяснил несколько простых вещей: здесь, в тюрьме, никто не даст тебе второго шанса, всё надо делать с первого раза и на отлично. Тюрьма ошибок не прощает. Так вот, когда эти люди придут в нашу камеру, первое, что ты должен – это помалкивать, второе, что ты должен – это помалкивать и никуда не встречать, и что ни скажут, то делай. Не бойся, тебе ничего такого не скажут, при мне точно, а всё остальное делай. И я скажу ребятам, чтобы тебя никто не трогал. Теперь ты друг Джека, а значит, друг всей тюрьме.

Джон на радостях подскочил, услышав эти слова, взял руку Джека обеими руками, начал трясти, говоря:

– Спасибо, мистер Джек, и простите меня, если что-то не так. Я всё понял, мистер Джек, я всё сделаю, я не тупой, я буду у вас учиться, спасибо.

Джек лишь рассмеялся, говоря:

– Хватит, парень, не суетись, и всё будет.

И тут Джон вспомнил слова своего адвоката, что около 3,5 миллионов пропали, полиция так и не поняла, куда они делись, и решил добавить к своей истории этот момент:

– Я не договорил, мистер Джек, конец своей истории. Где-то около 3,5 миллионов пропали, и никто так их и не нашёл.

Джек пристально посмотрел в глаза Джону, сказав:

– Я верю тебе, Джон, ты справился. Теперь справишься с вечерними поручениями и считай, что ты под моей защитой. Ты спокойно досидишь свой срок в тюрьме. В этом месте страданий хватит и без твоих мук. Ты мне нравишься, но никогда мне не ври, и другим старайся тоже не врать. Будь аккуратнее и всегда думай, что и кому говоришь. Теперь отдыхай.

Джон лёг на нижнюю шконку и думал: вот так просто может решиться судьба целого человека, вот так просто, и жизнь целого человека в тюрьме может стать адом на земле, а может и раем, ну или хотя бы чистилищем. Хорошо хоть чистилищем, а не адом. Хотя раем это место никогда не станет, но я смогу выжить, и, может быть, потом напишу книгу. И Джон утонул в своих фантазиях, но как только он расслабился, его потянуло в сон, и он не надолго уснул – прозвучала сирена, вернее, сигнал, и двери автоматически открылись. Это значило, что прогулка началась. 30 минут в открытых камерах, а потом ужин – всё по распорядку, и так целых 10 лет.

Джек спрыгнул с кровати, разбудив Джона и давая инструкции:

– Встань возле двери и смотри влево отсюда по коридору. Иногда ходят проверяющие, которые могут нам помешать. На кону 500 долларов, так что мой тебе совет, парень, не ошибись – деньги для этого места очень серьёзные.

И Джон, ещё толком не проснувшись, встал у двери, смотря по коридору влево, и переспросил у Джека:

– Я новенький, Джек, ещё ничего не знаю, поэтому могу перепутать.

Джек напрягся, а потом сказал:

– Один из них лысый и толстый, и у него другая униформа, не как у охраны. Поэтому не перепутаешь.

И Джон начал смотреть во все глаза на всех лысых и толстых и на всех охранников, которых в тюрьме хватало.

И через пять минут, как Джон занял свой пост, пришёл первый человек, его звали Билл, весь в фашистских наколках. Зайдя в камеру, он крикнул: «Зиг Хайль!» – подняв руку. Но Джек даже не повёл ухом, лишь поздоровался, достав колоду карт и сделав из пустой коробки что-то вроде стола.

Билл после своего приветствия обратился к Джеку:

– Ваша раздача на кону 157 долларов моя доля, – и бросил деньги на импровизированный стол.

Но Джек ничего не сказал.

А потом пришли ещё двое. Первый был латинос Диего, который поздоровался с Джеком, при этом Диего не стал здороваться с Биллом, протянул ему руку, но как только Билл протянул руку для приветствия, Диего быстро убрал свою руку и посмотрел с презрением на Билла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.